

ежедневные фельетоны ежедневные фельетоны

Влас ДОРОШЕВИЧ

ЗА ДЕНЬ

Генрих Гейне самый любимый у нас писатель.

Это я заключаю потому, что я шесть раз покупал полное собрание сочинений Гейне, — и шесть раз их уносили мои приятели.

Успех, которого не удавалось ни один из авторов моей библиотеки!

Мне становится неловко, когда я подхожу к моему библиотечному шкафу!

Старик Гете смотрит сурово с верхней полки. Вторая часть "Фауста" до сих пор не взята!

У пылкого Шиллера утащили только "Разбойников", "Коварство и любовь", а "Орлеанская дева" стоит до сих пор в своих стальных доспехах и словно смотрит меня с укоризной:

— Хороши же, однако, у тебя приятели!

Даже Шекспир стащен только наполовину.

Людвига Бёрне крали всего два раза.

А Гейне уносили шесть раз!

Генрих Гейне самый любимый у нас писатель.

В Англии вам ничего не стоит сразу определить, кто самый любимый писатель.

Это тот, сочинения которого имеются обязательно в каждой библиотеке.

Это тот, сочинения которого в образцовом порядке и чистоте — хранятся как святыня.

У нас любимый писатель тот, чьих сочинений нет ни у кого в библиотеке:

— Все раскрали. Публика его очень любит.

Любимый писатель — это тот, книжки которого истрепаны до последней крайности, грязны до невероятия. Поля испещрены надписями. И многих страниц недостает.

Этому понравилась легенда об ожившем старом замке:

"Славят, трубы и литавры

Юность светлую мою!"

И он вырвал несколько страниц.

Другому приглянулось стихотворение о "рыцарях духа":

"И целуй меня смелее:

Рыцарь духа пред тобой!.."

И он вырвал три страницы, быть может, чтоб переписать и послать знакомой барышне, — подписавшись, конечно, своей фамилией.

Третьему, видимо, понравилась нога геттингенских женщин.

Один подчеркнул, как будто бы кровью, красными чернилами:

"Если бы в вас да сердце было!"

И поставил три восклицательных знака.

Другой меланхолично обвел карандашом в "Книге идей":

"Ах, сударыня! Судьба человека часто зависит от цвета его галстука и покроя его панталон. И думает ли человек, сидя в Германии, что, быть может, в эту самую минуту где-то в Китае китаец тклет его судьбу?!"

На полях написано:

"Как это верно!"

Третий, наконец, три раза, подчеркнул в знаменитом "О дураках" эти слова:

"А когда мне нужен будет фонарь для моего кабинета, я повешу обскуранта. То есть, не самого обскуранта, а фонарь, купленный на тот гонорар, который я получу за описание этого обскуранта. Хотя мне кажется, что если повесить самих обскурантов, было бы гораздо светлее".

Как видите, Гейне отвечает на всевозможные запросы самых разнообразных читателей.

Русский читатель находит в нем отклик на всевозможные мысли и чувства.

Гейне, несомненно, самый любимый писатель, потому что его сочинения содержатся в самом скверном виде.

Однако, что ж это я?!

Хотел написать о Генрихе Гейне, а написал, кажется, о нас, о нашей грубости, невежестве, некультурности... Припишу это шутке, которую сыграл надо мной дух шутника Гейне!

"Одесский листок" № 291,
понедельник, 1 (13) декабря 1897 г.

Мы вступаем в "эпоху казней".

Отныне всякий домовладелец, не уплативший в срок за водопровод, будет считаться изменником отечества.

И как в глубокой древности — "лишаться воды".

И не только он, но и жильцы его, и дети их, и дети детей жильцов его — до пятого колена.

На всех будет обрушиваться проклятие.

— Проклятие тебе и дому твоему, и жильцам, что наполняют мерзкий дом твой! Проклятие дворнику, который у тебя служит! Пусть истомленный, умирающий от жажды, он запустит в тебя лопатой и сбежит. Проклятие собаке, которая стережет твой двор! Привязанная, пусть она взбесится от жажды, воеет по ночам, не дает никому заснуть и околеет с зловещим воем, предвещая смерть другим!

— О горе! Горе! Горе!

— Проклятие жильцам, исправно платившим за квартиру тебе, недостойному изменнику! Проклятие матерям, носившим их...

— О мать моя! — должен тут воскликнуть жилец, как Уриэль Акоста.

— И бабушкам, родившим матерей! Пусть бабушки помрут в стенах и корчах! Проклятие детям, которые будут ласкаться к вам! Проклятие внукам, правнукам!

— О горе!

— Проклятие кухарке, которая станет вам готовить обед, и куму, который придет к ней в гости! Проклятие горничной, что чистит вам ботинки!

— О горе, горе, горе!

— Чахните без воды, умирайте от жажды. Вам не на чем будет приготовить суп. Вы будете питаться сухомяткой, колбасой, — и пусть это еще больше возбуждает вашу жажду!

— О горе!

Совсем казнь египетская!

Мы представляем себе картину "проклятого дома".

Комиссия изрекла анафему и заперла водопроводный кран.

Прохожие в ужасе бегут мимо "проклятого дома": оттуда слышатся стоны, скрежет, вопли.

На подоконнике первого этажа лежит человек с глазами, вылезшими из орбит:

— Вводы!

Из бельэтажа раздается дамский вопль:

— Дайте же мне воды! Я должна торопиться на свидание и не могу взять ванны. Каждая минута дорога.

Из третьего этажа голос почтенной матери семейства:

— Но ведь поймите, моя дочь едет сегодня на бал и должна мыться под большое декольте. От этого зависит ее судьба!

Из четвертого этажа выглядывает арап, — натуральный арап.

Мальчишки улюлюкают, а несчастный арап:

— Да не арап я! Не арап! Меня из-за этого с места выгнали — думали, что я арап. Я не умывался только!

Из мансарды душу раздирающий женский голос:

— Батюшки! Он из младенца голо-

ву, словно из бутылки пробку, выдернул! Младенца откупорил и кровь пьет!

А комиссия стоит и адски хохочет. Малюта Скуратов от зависти перерачивается в гробу.

Мы рекомендуем основать общество "спасения погибающих от жажды". И доставлять жильцам "проклятых" домов воду хоть в пузыречках.

Ведь нельзя же заставлять людей пить кровь из собственных малюток. Это даже и не гигиенично.

Нам рисуется уже ряд трогательных картин.

Мы входим в квартиру "проклятого дома".

Хозяин дома уже сошел с ума от жажды и сидит с расширенными зрачками.

Старуха бабушка с лицом, как сапог, корчится на полу.

Мы подходим к большой обезьяне, которая грызет кусок колбасы и смотрит на нас глазами умирающего Тантала.

Мы даем ей несколько капель воды, отчего обезьяна моментально оживает, начинает делать веселые прыжки и вдруг кричит человеческим голосом:

— Спасена! Спасена! Тру-ля-ля! Спасена!

Вне себя от изумления мы умываем обезьяну, — и обезьяна оказывается не обезьяной, а молодой девушкой редкой красоты, на которой, т. е. на девушке и на красоте, мы тут же и женимся.

Мы хороним бабушку, отправляем папашу на Слободку-Романовку и сочетаемся законным браком с девушкой чудной красоты, делаемся отцами...

Но позвольте!

Разрешено ли будет носить в "проклятые" дома воду даже в пузыречках?

Вдруг — идешь.

— Стоп! Это что? Пузырек? С водой? Проклятым жильцам проклятого дома?

Р-р-раз!

И пузырек с водой разлетается вдребезги под ужасающий вой умирающих от жажды жильцов проклятого дома. Какая адская симфония! Какой сюжет для г. Ребикова, для г. Федорова, для Франца Листа, если бы он был жив!

Шутки, однако, в сторону. В серьезных вещах не шутят.

Речь идет о том, как заставить домовладельцев платить за воду.

Комиссия и дума полагают, что для этого самое лучшее не давать пить жильцам.

Мы знаем средство еще лучше.

Не только не давать жильцам пить, но еще и кормить их при этом на городской счет селедками.

Небось — заплятят!

Вносим наш проект на рассмотрение одесской городской думы и просим для него защиты гг. Швенднера, Новикова, Бухштаба и Шульца.

"Одесский листок" № 246,
четверг, 16 (28) октября 1897 г.

ежедневные фельетоны ежедневные фельетоны

— Дрейфус или Эстергази?

Это стало мировым вопросом.

В Америке, наверное, держат пари.

В глазах противников Дрейфуса этот узник Чертова острова виновен в двух преступлениях.

Во-первых, он изменил отечеству. Но это еще не беда!

Во-вторых, он еврей. Это уже беда непоправимая.

Для этих людей всякий человек, виновный в том, что он еврей, должен быть без суда и следствия лишам всех прав состояния и сослан.

Взгляд, от которого пахнет не "новым временем", а скорее "добрым", старым временем костров и пыток.

Тогда как граф Эстергази, по их мнению, прав уже потому, что он не бежит, а остается в Париже и околачивает пороги редакций.

— Значит, чувствует себя правым!

— О Боже! Не все, кто околачивает пороги редакций, всегда правы.

Мы знавали людей, вызывавших журналистов на дуэль в день ареста.

Утром вызовет, а вечером секунданта привозят известие, что вызвавший арестован по обвинению в 333 мошенничествах.

И дуэль состояться не могла.

Ведь нельзя же стреляться с человеком, у которого по бокам стоит пара конвойных.

Еще в конвойного попадешь!

Мы знавали подсудимого, который, отправляясь "судиться", заказал в лучшем ресторане обед для себя и своих друзей.

— В суде проголодаемся.

И особо заботился:

— Шампанского заморозьте побольше. Вспрыснуть оправдательный вердикт.

Но это шампанское мерзнет и по сей день.

Бедняге пришлось обедать в тюремном замке.

Не бегут часто по очень простой причине: потому что бежать невозможно.

Кроме отличной наружной полиции у Франции есть и великолепная тайная.

Тут не разбегаешься. Быть может, в ту самую минуту, как граф Эстергази входит в редакцию, у дверей с видом беспечного фланера останавливается какой-то молодой человек.

А через дорогу какой-то солидный господин стоит, углубившись в рассматривание витрины с выставкой принадлежностей дамского туалета.

И "граф" чувствует, что за ним всюду следуют эти две тени.

В вину Дрейфусу ставят всё.

Даже то, что у него много друзей.

Как будто друзья могут быть только у негодяев.

Даже то, что друзья усиленно хлопчут доказать его невиновность.

Как будто друзья непременно уж должны отшатнуться от человека в несчастии.

Это бывает — но это, слава Богу, еще не обязательно!

"Одесский листок" № 278,
вторник, 18 (30) ноября 1897 г.

"Некрасов — игрок", "Некрасов — кулак." Они не менее известны, чем Некрасов-поэт.

Его муза, "муза мести и печали", создала ему много врагов.

С нею у многих было много "счетов".

И ему, как мужу по счетам жены, пришлось много платить по "счетам" его музы.

Некрасову-человеку дорого пришлось заплатить за Некрасова-поэта.

Ни на кого не сыпалось столько клевет, лжи и грязи.

Да и что в этом удивительного?

Нельзя быть безнаказанно ни умным, ни честным, ни талантливим.

Люди похожи на собак: они тоже не могут равнодушно пройти мимо чего-нибудь высокого.

Для людей нет выше обиды, как видеть, что кто-нибудь выше их целой головой.

Нет высшего удовольствия, как втоптать его в грязь.

— Ты такая же дрянь, как и мы!

Для них это вопрос самолюбия.

Вот секрет, почему клевета, пущенная врагом по выдающемуся человеку, так охотно повторяется обществом.

Ни про кого не распространялось столько клевет, как про Некрасова.

Что ж, это был высокий утес, и тем сильнее шумели об него волны.

Шум этих грязных волн был так силен, что его эхо еще до сих пор звучит в воздухе.

Общество — лжец.

И, как всякий лжец, часто повторяя ложь, оно, наконец, само начинает верить, что это правда.

Истина — это часто только ложь, повторенная так много раз, что ей стали верить.

С кончины Некрасова прошло 20 лет, а и теперь даже самые доброжелательные "литературные поминальщики" начинают свои поминки по Некрасове так:

— Да, это, конечно, был "кулак", но...

Его репутация "кулака" кажется установленной.

Ложь, покрытая исторической давностью, превратилась в истину. Потому что и сама-то истина, по большей части, это только покрытая исторической давностью ложь.

* * *

"Кулак".

Мне вспоминаются рассказы о Некрасове покойного Н.В. Успенского.

Двоюродного брата Г.И. Успенского, писателя-народника, начавшего так блестяще и кончившего так плачевно.

Он работал в маленьких еженедельных журналах, где его держали, как в кабаке держат картину духовно-нравственного содержания.

Все-таки это был "писатель".

Его имя печаталось крупными буквами, и ему платили гроши, похожие скорее на милостыню, чем на гонорар.

Летом, подъезжая к Москве на одном из дачных поездов, вы встретили бы высокого седого скрипача, со скрипкой переходившего из вагона в вагон.

Он играл, а подаяние собирала за него девочка, переодетая мальчиком.

Это была его дочь, которую он одевал мальчиком и звал мужским именем, охраняя ее таким образом от соседей по нарам в ночлежных домах.

И кто бы подумал, что этот жалкий старик был одним из любимых собеседников Тургенева.

Что Тургенев с наслаждением проводил с ним часы, удивляясь и завидуя его знанию народного быта, от души смеясь его полным юмора рассказам.

Что Некрасов пророчил ему великую будущность.

Жалкий, нищий, искавший забвения в вине, он помнил хорошие дни.

И когда говорил о них, его старая седая голова с гордостью поднималась, в его глазах, измученных и робких, светилось столько нежности, его голос, привыкший к просьбам о подаянии, звучал благородством.

— Бедные дети! — говорил он нам, молодежи, где-нибудь в грязном трактире, куда мы вели "угощать" старого учителя, — даже ваша "литературная весна" так печальна. Даже ваши воспоминания о первых шагах литературной деятельности будут грустными воспоминаниями. Что вы видите, входя в литературу, — на первом же шагу? Кулачество, мажорство! Разве теперь есть издатели?

И, погружаясь в воспоминания о своей "литературной весне", он рассказывал нам о своем первом визите Некрасову.

Когда он робким новичком входил в кабинет знаменитого писателя.

— Присланные вами рассказы великолепны! — приветствовал юношу Некрасов. — У вас большой талант, много наблюдательности, юмора. Вы превосходно знаете народную жизнь. Вы много ее изучали?

Сын бедного сельского причетника, Успенский отвечал, что он и не может не знать жизни народа, среди которого вырос.

— Да, да, конечно!

Некрасов на минуту задумался.

— Но знаете, чего вам недостает? Широты взгляда! Вы знаете ваш муравейник, но чтоб описать его как следует, вам нужно взглянуть на него со стороны. О, тогда вы на многое будете смотреть иначе. Многие получат в ваших глазах иное освещение. Вам нужно увидеть иную жизнь, посравнить... Да, да! — продолжал, увлекаясь, великий поэт. — Вам нужна поездка за границу. Проехать по Европе...

Для сына бедного сельского причетника, для человека, и до Петербурга-то добравшегося чуть не пешком, это звучало обидной насмешкой.

— Желчь закипела, — вспоминал Успенский, — слушать этого сытого барина, фантазирующего об увеселительной поездке нищего по Европе!

Успенский резко прервал фантазии Некрасова:

— Но для этого нужны деньги!

Некрасов посмотрел с улыбкой на вспыхнувшего молодого человека:

— Деньги — вздор! Деньги я вам дам. Вот деньги.

Он достал из ящика и подал изумленному Успенскому две тысячи рублей.

— Берите, берите! После сочтемся. Вам необходимо проехать по Европе, людей посмотреть. Это расширит ваш кругозор. А деньги — вздор. Талант важнее денег. Было бы жаль, если бы погиб такой талант, как ваш...

Это "кулачество"?

* * *

Г. "литературные поминальщики" приводят слова Белинского об издателе — Некрасове.

— Этот не то, что мы с тобой! — сказал Белинский Панаеву. — Этот себе на уме.

Но ведь то говорил Белинский.

И среди бесребренников вы мало встретите таких идеалистов.

И говорил так о Некрасове Белинский Панаеву.

И говорил это он ой-ой-ой как давно!

А вы, гг. "Белинские" 1897 года, с какими "Некрасовыми" разговариваете вы, судя Некрасова за то, что он был "себе на уме"?

"Одесский листок" № 316,
понедельник, 29 декабря 1897 г. (10 янв. 1898 г.)

"Новороссийский Телеграф" сообщает очень грустную новость:

"Скончался еще один великий русский мыслитель, Никита Петрович Гиляров-Платонов. Покойный издавал газету "Современные Известия" и написал несколько крупных научных сочинений".

Сделав затем краткую характеристику значения покойного в России и за границей, газета с грустью добавляет:

"Мир праху твоему, великий богослов, филолог, экономист и великий русский человек".

Новость действительно грустная — но она несколько запоздала.

Н.П. Гиляров-Платонов умер... ДЕСЯТЬ ЛЕТ ТОМУ НАЗАД.

Очевидно, в редакцию принесли колбасу, завернутую в очень старую газету.

Вот откуда и "почерпнули" грустную новость.

Но Боже! Сколько грустных минут предстоит еще пережить "Новороссийскому Телеграфу"!

Сколько печальных новостей узнать!

Сколько утрат оплакать!

Если бы я не боялся, что это на нее так действует, я сообщил бы ей, что и И.С. Аксаков тоже умер.

И Краевский, издатель "Голоса" и "Отечественных записок", тоже умер.

О смерти М.Е. Салтыкова-Щедрина я подожду сообщать: редакция от неожиданности может упасть в обморок. Но о смерти Гоголя и Пушкина — я думаю, можно ей сообщить.

Лермонтов, Тургенев, Достоевский, Писемский — тоже померли.

Все померли! Живы только гг. Ники, гг. Форов и гг. Никифоров.

И узнают о существовании на Руси "великих мыслителей" случайно, из оберточной бумаги, через 10 лет после их смерти.

Грустно, но это так!

"Одесский листок" № 250,
понедельник, 20 октября (1 ноября) 1897 г.